

МАША ТРАУБ

Счастливая семья

Маша Трауб

Счастливая семья (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9244888

Счастливая семья : [повести и рассказы] / Маша Трауб: Эксмо;

Москва; 2015

ISBN 978-5-699-78642-8

Аннотация

Эта книга – сборник повестей и рассказов. Все они – о семьях. Разных – счастливых и не очень. О судьбах – горьких и ярких. О женщинах и детях. О мужчинах, которые уходят и возвращаются. Все истории почти документальные. Или похожи на документальные. Жизнь остается самым лучшим рассказчиком, преподнося сюрпризы, на которые не способна писательская фантазия. *Маша Трауб*

Содержание

Счастливая семья	5
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Маша Трауб Счастливая семья (сборник)

© Трауб М., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Счастливая семья

Повесть

Посвящается Джеральду Дарреллу

Конечно, это была идея мамы. Она решила, что в квартире нужно срочно делать ремонт. Просто необходимо. И если не сделать, то всё. Она так и говорила – «всё», а что «всё» – не объясняла, только глаза закатывала. Ее «всё» могло означать землетрясение, конец света, наводнение и прочие бедствия.

– Может, в следующем году сделаем? – тихо спросил папа.

– А Сима? Где будет жить Сима? – ахнула мама.

Серафима, Сима – моя сестра. Ей пять лет. И до своих пяти лет она жила везде, оккупировав всю квартиру, включая мою комнату, папин кабинет и спальню родителей. Ей совершенно была не нужна своя комната – ее игрушки были разбросаны даже в коридоре. Собственно, Сима считала, что вся квартира – ее, и она просто разрешила остальным членам семьи поставить свои диваны, кровати и столы на ее территории.

– А мы куда денемся? – еще тише спросил папа.

– Не знаю, – отмахнулась мама, – что-нибудь придумаю.

Вот это мама умеет – придумывать так, что мало никому не покажется. Иногда я даже побаиваюсь ее фантазий. Впро-

чем, как и папа. И моя сестра. И бабушка. И дедушка. Никто не может предсказать, до чего она додумается в следующий раз.

Я хочу представиться. Меня зовут Василий, и не спрашивайте, почему меня так называли. Ни в чью честь. Маме нравилось, что я один Вася на детской площадке, да и во всей округе. Мне двенадцать лет. Я люблю физику, алгебру, химию, биологию. Наверное, поэтому меня еще держат в семье за человека – ни папа, ни мама в этих дисциплинах ничего не понимают. Мама даже не может отличить по картинке членистоногих от многоножек. Папа ничего не понимает в графиках и функциях. Про дроби я уже даже не говорю. Мне кажется, что Сима больше понимает в точных науках, чем мои родители. Хотя иногда это раздражает: папа смотрит на меня с телячьим восторгом – все-таки я первый математик в семье гуманитариев, а мама лезет целоваться.

Это я к тому рассказываю, чтобы вы лучше представляли себе моих родителей. Они никогда не поступают так, как подсказывает логика. Им неведома теория относительности. Мама просто верит в прекрасное, а папа – пессимист. Он вообще ни во что не верит. Я верю в природу, числа и разум. Хоть какой-то. Но разум передается через поколение, так что природа отдохнула на моих родителях. Зато сполна одарила их чувствами и эмоциями. Если мама не размахивает руками, значит, у нее болят руки или спина. В принципе она может вообще не говорить, только махать. Папа же обычно ти-

хо бурчит. Так тихо, что приходится прислушиваться.

– У меня для вас прекрасная новость, – сообщила мама за ужином, и мы тут же перестали есть. Ее радостный вид не предвещал ничего хорошего. – На время ремонта мы переезжаем! Догадайтесь, куда? Ни за что не догадаетесь!

– Это точно, ни за что не догадаемся, – согласился папа.

– Мы переезжаем на Корфу! – объявила мама, как будто речь шла о том, что мы летим на Марс в составе первой экспедиции.

– А поближе нельзя? – уточнил папа.

– Нельзя! Я уже все решила, это во-первых. А во-вторых, забронировала чудесный дом. И в-третьих, это будет интересно Васе. И Симе тоже полезно провести лето на море. Вася, ты обязательно должен прочесть Даррелла! Тебе очень понравится!

Про Даррелла у меня потом спросили раз двести, нет, триста. Каждый мамин или папин знакомый или знакомая, которые узнавали, что мы переезжаем на Корфу, считали своим долгом рассказать мне про Даррелла. Я говорил, что читал, что понравилось, но в конце концов мне это надоело, и я просто молчал и кивал. Почему-то от меня все ждали, что раз я мальчик и мне двенадцать лет, то я должен изучать лягушачьи икринки и интересоваться размножением богомолов. Объяснять взрослым, что в моем возрасте в XXI веке уже даже размножением людей не очень прилично интересоваться, я не решался.

Мама наотрез отказалась говорить папе, в какое именно место мы едем. Это был сюрприз.

– Я нашла чудесный дом! – повторяла она, убеждая то ли папу, то ли себя.

– Хоть на севере или на юге? – Папа не рассчитывал на ответ.

– Не знаю. А какая разница? – удивлялась мама, как будто теперь речь шла о переезде в соседний подъезд.

– А где нашла? – не отставал папа.

– У чудесной женщины! – восклицала мама, как будто эта характеристика давала хоть какую-то гарантию, что дом в принципе будет.

Конечно, для мамы север или юг острова – совсем не принципиально. Вот уже несколько дней она упаковывала вещи, из-за чего одна комната стала нежилой – в ней громоздились чемоданы, картонные коробки, сумки, скотч и еще много всего нужного. Например, пупырчатая пленка для тарелок и других ценных предметов. Сначала я, потом и папа с Симой подолгу застывали над куском пленки и щелкали пупырышками. Папа рассказывал, что раньше он все упаковки шоколадных коробок общелкивал. Маму же эти звуки раздражали, и она боялась, что мы отшелкаем весь рулон пленки.

Ее метод сборов не отличался логикой – она подходила к шкафу, сдергивала блузку или юбку и, проходя мимо «упаковочной» комнаты, забрасывала вещь туда. Точно так же

она бросалась лекарствами, Симиными игрушками, полотенцами и один раз собиралась зашвырнуть в комнату утюг и гладильную доску. Когда из вещей собралась внушительная куча, мама села их разбирать – часть она собиралась взять с собой, часть упаковать в коробки и отправить на время ремонта на склад.

Можно сказать, что матери у нас больше не было – мы питались в кафе, перезнакомились со всеми курьерами по доставке пиццы, поскольку мама сидела на полу в комнате и перекладывала вещи из коробок в чемоданы и обратно. Отдельно у нее стоял пакет для мусора, в который она складывала сломанные игрушки, разбитые чашки и прочий хлам – с ее точки зрения, естественно.

– Почему мне никто не помогает? – восклицала она и съедала целую большую пиццу, которую мы с папой собирались разделить на двоих. Папа брался за столовый сервиз, но отвлекался на пленку, предаваясь воспоминаниям о том, как посуду упаковывали в газетную бумагу, газету же засовывали в обувь, чтобы не деформировалась, а бабушкин чемодан был обклеен картинками из журналов с внутренней стороны.

– А бабушкин торшер мы перевозили в ковре, – рассказывал папа. – Бабушка очень переживала, что его повредят при переезде, и согласилась только на ковер, который был снят со стены. Ковра ей было не жалко.

Моя сестра Сима таскала вещи, которые собирала мама, назад, в спальню родителей или в другие укромные уголки.

Дожидалась, когда мама задумается, пережевывая пищу, тихонько забирала свою юбку или плюшевого зайца и прятала за спину. В спальне тоже сложилась внушительная кучка из очень ценных вещей, которые сестра не могла доверить никому. В принципе понять ее было можно – я тоже переживал за свою коллекцию монет, которую мама уже дважды переложила из одной коробки в другую.

– Андрюш! – иногда вскрикивала мама, и папа покорно шел в комнату. Этот крик означал, что очередная коробка заполнена и ее нужно подписать.

– А ты сама не можешь? – неосторожно спросил папа.

– У тебя почерк лучше. Пиши! – рявкала мама и диктовала перечень упакованных предметов.

Когда мама продиктовала: «Васина коллекция монет, мои драгоценности, духи, документы», – я не сдержался.

– Мам, может, не стоит так уж прямо писать, что лежит в коробке?

– Почему? – удивилась мама.

– Потому что сразу понятно, что брать.

– Да, ты прав. Нужно придумать что-нибудь обтекаемое. – Мама потянулась за очередным куском пиццы. – Давай напишем: «Очень нужные и важные вещи». Папа в это время зачеркнул первую надпись и принялся каллиграфическим почерком выводить новую.

– Пап! Пап!!!

– Что? – Папа вздрогнул. Он настолько привык слушаться

маму, что иногда я начинаю за него беспокоиться.

– Посмотри, что ты написал!

– Что? Запятую не поставил? – разволновался он.

– При чем тут запятая? Мама хочет облегчить жизнь во-рам!

– Да, действительно. Нужно написать что-то общее, – согласился папа и с тоской посмотрел на пиццу, которую до-едала мама. – Давай просто напишем: «вещи, разные».

– И как я пойму, какие именно? – воскликнула мама.

– Тогда не знаю, – сказал папа. – Придумай сама.

– Вот все на мне! Абсолютно! Почему мне никто не по-могает?

– Потому что лучше тебя никто не сделает, – сказал папа почти честно. Но маме этого хватило. Она забрала у папы маркер, и вскоре в комнате появились коробки, на которых вообще нельзя было разобрать буквы – мама писала так, как пишут врачи в справках и рецептах. Еще она очень любит сокращения и аббревиатуры.

– Мам, что это значит? – спросил я.

На коробке было написано «С-да и пр».

Мама долго вглядывалась в надпись и наконец догадалась:

– Сковорода и прочее! Значит, там еще чайник, блендер, ну и что-то еще.

– А это что значит? – Я указал на коробку, на которой было написано «НБЖМД».

– Разве не понятно? – удивилась мама. – Нижнее белье,

женское, мужское, детское. Ну, пижамы всякие, халаты... Не мешай мне! И попроси папу – пусть достанет еще один чемодан.

Поскольку мы уезжали надолго и в известном только маме направлении, чемоданов не хватало. Я хотел спросить, зачем мама положила в сумку, которая была предназначена для перевозки ручной клади в самолете, выходное платье Симы, мой пиджак, который я надевал один раз, когда мне вручали грамоту, и папин официальный костюм, но папа меня опередил.

– Зонты. Обязательно надо взять зонты, – сказал он, – обещают дожди.

– Хорошо, – согласилась мама.

– Трех хватит? – обеспокоенно спросил папа.

В результате в чемодане оказалось четыре зонта – Сима, которая увидела, как папа складывает свой, мамин и запасной зонт, на тот случай, если один сломается, притащила свой личный зонтик. Зато удалось убедить маму, что в аэропорту и на острове нам не понадобятся вечерние наряды. Мама переложила все это в коробку и подписала: «Красота разная!»

Чемоданов получилось пять, один из них занимали мамины припасы – гречка, овсянка, кофе... Это мамин НЗ – неприкосновенный запас. Куда бы наше семейство ни отправлялось, пусть даже на несколько дней, мама считала, что мы ни дня не сможем прожить без утренней каши, а она уж

точно не проживет без кофе.

– Я очень устала, – сообщила мама за ужином, когда коробки были собраны и заклеены и только чемоданы стояли, раззявив внутренности.

Когда она говорит таким голосом, это означает, нужно ждать продолжения. Странно, что папа этого так и не понял. Поэтому продолжал есть, глядя в компьютер. Его больше занимал процент влажности в разных регионах острова, особенности ландшафта и среднесуточная температура по месяцам.

– Так вот... – продолжала мама, – поскольку я очень устала и у меня не осталось никаких сил, было бы неплохо, чтобы с нами на остров поехала еще какая-нибудь женщина. Чтобы помогать мне с домом и Симой. Да?

Папа, погруженный в графики и сводки погоды, машинально кивнул.

– Какая женщина? – спросил я.

– Я сразу подумала о Наталье Ивановне.

Мама взяла многозначительную паузу.

– Тетя Наташа с нами поедет? – уточнил я.

– Да, – подтвердила мама.

– Кто с нами поедет? – спросил папа.

– Наталья Ивановна. У нее сейчас сложный период в жизни, и ей нужно развеяться. Я не могла ей отказать.

Наталья Ивановна считалась нашей двоюродной бабуш-

кой или троюродной тетей, ведь никто, даже мама, точно не мог сказать, кем именно она нам приходится. Дальней родственницей. Седьмой водой на киселе. Наталья Ивановна настолько любила маму, что ни в чем не могла ей отказать. Хотя она вообще никому не могла отказать, поэтому кочевала от родственников к родственникам, помогая с детьми, по хозяйству и все время переживая сложные периоды и необходимость развеяться, чтобы «забыть» предыдущий сложный период. Двоюродные и троюродные племянницы, внучатые племянники, четвероюродные внучки Натальи Ивановны, которая для всех была тетей Наташей, были разбросаны по всему свету. Она кочевала из города в город, была легка на подъем и последние лет двадцать мечтала осесть на одном месте. Прирасти корнями. Но, выбрав почву, быстро начала скучать и тайком звонить родственникам, выясняя, у кого кто родился, кому нужна помощь по хозяйству.

– Значит, дядя Боря тоже едет с нами? – спросил я.

– Естественно, – ответила мама.

Дядя Боря был мужем Натальи Ивановны. И куда бы она ни отправлялась, он покорно следовал за ней. И если Наталья Ивановна считалась неприхотливой, то дядя Боря был еще более неприхотлив. Для жизни ему хватало закутка с телевизором, крошечного столика и отдельной раскладушки, поскольку Наталья Ивановна давно не спала в одной кровати с собственным мужем. Помимо телевизора, который мог показывать всего одну программу – на любом языке, фонить,

идти рябью и даже быть черно-белым, дяде Боре требовался запас журналов с судоку, желательного значительный. Дядя Боря – физик по профессии – щелкал судоку как семечки, «приканчивая» журнал за вечер. Высшим наслаждением для него были задачки по бриджу, которые достать было сложно. И тете Наташе приходилось выставлять родственникам райдер с обязательными требованиями – раскладушка, телевизор, судоку, бридж. Не все родственники были к этому готовы, поэтому тетя Наташа страдала, но от райдера не отступала.

– Я ж не для себя! – говорила она, что было чистой правдой.

Несколько лет назад тетя Наташа завела себе брехливую болонку Жулю, у которой был свой собственный райдер – она ела особенные консервы, сухой корм, терпеть не могла стричь ногти и отличалась вздорным характером. На фоне Жули дядя Боря выглядел сущим ангелом. Когда тетя Наташа приехала к очередной пятиуродной племяннице, которая смогла выполнить все требования – сухой корм, судоку, телевизор, стрижка, – Наталья Ивановна решила, что есть в жизни счастье. Но в первый же день пребывания – а тетя Наташа была вызвана к трехлетней дочке племянницы в качестве няни – у малышки случилась истерика. Девочка, как оказалось, панически боится мужчин и собак. Причем собак больше. Но если они идут в наборе с мужчинами, то для малышки это сочетание непереносимо. Девчушка, только на-

чавшая говорить, «регресснула» и замолчала. Она забивалась в угол и начинала плакать, едва завидев Жулю, которая шла к миске с дефицитным особенным кормом, и заходила в истерическом плаче, стоило дяде Боре посадить ее на коленки и поиграть в «по кочкам, по кочкам, по маленьким дорожкам». Эту игру любил не только дядя Боря, но и Жуля – на каждое «по кочкам» она раздражалась суетливым лаем, а на «в ямку бух» начинала выть, доводя девочку до заикания, захлебывания слезами и икоты. Тете Наташе пришлось отказать от дома. Тетка, надо признать, не обиделась, а рассудила здраво – Жуля одна, а родственников много. Значит, проще избавиться от Жули, чем от работы. И в тот же день отдала болонку в добрые руки. Тетю Наташу эти добрые руки не особенно беспокоили – отдала и отдала. Даже не потрепала по загривку на прощание. И в мокрый нос не чмокнула. Зато дядя Боря потерял сон – он боялся, что его постигнет та же участь, что и Жулю. Отдадут в добрые руки, если вдруг у кого-то из родственников начнется на него аллергия. Тетя Наташа и не скрывала своих планов. Правда, оказалось, что собаку пристроить легче, чем мужа.

Примерно раз в полгода дядя Боря «писал письма» – после потери Жули он нашел себе новую отдушину. Адресатами были российские газеты и журналы, у которых дядя Боря интересовался – почему они не печатают на последней странице комбинации по бриджу по примеру западных изданий. Ответа дядя Боря ни разу не получил. Но ждал и надеялся.

И отсылал новые адреса, по которым его можно найти. То, что ответное письмо не доходило, дядю Борю совершенно не смущало. Он считал, что оно просто заблудилось в дороге – ведь им опять пришлось переехать. И продолжал ждать. При этом в настоящий, «живой» бридж дядя Боря не играл, хотя однажды очередные родственники тети Наташи организовали для него такой вечер.

Был запланирован сюрприз. Лучших бриджистов собрали со всего города и окрестностей. Одного даже пришлось выписывать из соседнего городка за отдельный гонорар. И что же? Дядя Боря просто отказался играть вживую. Сказал, что проиграет, поскольку у него нет опыта. И расстроится. Даже обидится. И больше не сможет играть в бридж. Поэтому он не станет играть, не будет обижаться и расстраиваться и продолжит ковыряние в напечатанных в газетах комбинациях. Никакого разочарования. Чистый мыслительный процесс.

– Неужели даже не попробуете? – воскликнули обиженные и расстроенные родственники, которым сюрприз стоил не только организаторских, но и материальных усилий, поскольку профессиональный бриджист требовал компенсацию за ложный вызов.

– Нет-нет, что вы, – отмахивался и отбрыкивался дядя Боря.

– Боря, это неприлично, люди для тебя старались! – прикрикнула на мужа тетя Наташа, но даже это не помогло.

И если дяде Боре не давал покоя бридж, то Наталья Ива-

новна мечтала о новой жизни с новым мужем. Многочисленные родственники, выписывавшие к себе тетю Наташу, должны были не только обеспечить дядю Борю журналами с sudoku и задачками по бриджу, но и предложить «дорогой нашей любимой тете Наташе, спасибо вам огромное, что согласились помочь с Петечкой (Настенькой, Лизонькой), что бы мы без вас делали», «новые знакомства». Наталья Ивановна была убеждена, что мужа нужно искать в кругу знакомых, желательно за обедом или ужином. При этом дядя Боря никак не исключался из matrimониальных планов тети Наташи. Она была убеждена, что обязательно найдется мужчина, который полюбит ее и ее мужа, с которым она готова была развестись, но не могла бросить. Ну куда ж он без нее? Пропадет. Ведь женятся же на женщинах с детьми, почему бы будущему избраннику не жениться на женщине с мужем? Дядя Боря сидел за тем же столом, за которым Наталья Ивановна флиртовала с потенциальным счастьем ее жизни. Надо признать, что дядя Боря был замечательным собеседником, отличавшимся и чувством юмора, и достоинством, и манерами, чем окончательно сражал претендента на руку своей жены. Надо ли удивляться, что претендент, которому сразу рассказывали о том, что его ждет, то есть не только Наталья Ивановна, но и дядя Боря с sudoku и бриджем, а также телевизором и отдельной раскладушкой, выходил из-за стола немножко сумасшедшим. С одной стороны, ему очень нравился дядя Боря, который умел нравиться абсолютно всем,

включая маленьких детей и домашних животных. И претендент был даже готов жениться на тете Наташе, чтобы продлить счастье общения с дядей Борей. Но с другой – ему хотелось немедленно сбежать от Натальи Ивановны и ее знаменитых во всех городах ватрушек, которыми она пичкала и детей, и гостей, и домашних животных.

– Ты меня слышишь? Завтра нужно купить журналы с sudoku, – сказала мама папе.

Надо сказать, что папа видел Наталью Ивановну с дядей Борей недолго – маме удалось выписать тетю Наташу, когда родился я. Но она быстро съехала, поскольку мама не смогла обеспечить ее новыми знакомствами и наш дом совсем не был «открытым», как надеялась Наталья Ивановна. Как назло, журналы для дяди Бори мама тоже регулярно забывала поставлять. Да и я был таким крикливым, что заглушал звук телевизора, который работал на одном канале. Таковой была одна из причуд дяди Бори – он выбирал себе один канал и смотрел исключительно его, пока не выучивал всю линейку передач наизусть. В тот год дядя Боря смотрел бесконечные детективы и сводки о преступлениях, что очень плохо отражалось на качестве маминого грудного молока. Так или иначе, мама с тетей Наташей «не ужились» и расстались, к взаимному облегчению.

Мама еще долго вспоминала тети-Наташины ватрушки, которые та пекла промышленными партиями, отказываясь сварить обычную кашу. Говоря откровенно, мама тетю На-

ташу не любила, не могла простить ей своего лишнего веса, набранного по причине вкуснейших ватрушек, и даже не призвала ее на помощь, когда родилась Сима, что тетя Наташа, естественно, восприняла как личное оскорбление.

– Ты же с ней в плохих отношениях! – сказал папа, который не очень вникал в эту историю и смутно помнил тетю Наташу, зато дядю Борю – прекрасно: они провели несколько приятных вечеров за стаканами виски, обсуждая политику и экономику. И ни разу не разошлись во мнениях.

– А что мне оставалось? – спросила мама. – Тете Наташе нужно попасть к Спиридону, а мне нужна помощь. Я не собираюсь тащить на себе весь дом.

– К какому Спиридону? – уточнил я.

– Святому! – рявкнула мама. – Возьми Даррелла и почитай, наконец!

– Понимаешь, ей нужна нитка от ботинок Спиридона, – объясняла мама папе. – Я не очень в этом разбираюсь, но вроде есть такие иконы, которые продаются только на Корфу в церкви Святого Спиридона. И тетя Наташа считает, что Спиридон поможет ей обрести личное счастье. Я не могла ей отказать. Она чуть не плакала, когда я с ней разговаривала.

– А еще он ходит по ночам, – сказал я.

– Кто ходит? – не поняла мама.

– Спиридон. Поэтому у него и башмаки стоптаны. Их снимают, нарезают на крошечные лоскутки и приклеивают к иконам.

– И откуда ты это знаешь?

– Спросил у Гугла, как ты мне всегда советуешь.

– А Спиридон специализируется на женском счастье? – спросил папа.

– Не только. Еще на недвижимости, сектантах, здоровье... можно сказать, у него нет специализации. Вот, еще он оберегает от иностранных захватчиков, – ответил я.

– Он мне уже нравится, – засмеялся папа.

– Тогда мне тоже нужно к Спиридону, – заявила мама, – у меня есть вопросы по недвижимости. Симе нужна своя комната. Заодно попрошу, чтобы Вася не связался с сектантами, а ты был бы здоров.

– Лучше попроси, чтобы папа не связывался с сектантами, а я был здоров, – сказал я.

– Да, ты прав, это разумнее, – согласилась мама.

– Мы едем не пойми куда в компании твоей сумасшедшей тетки и ее замечательного мужа, а тебя заботит Спиридон и сектанты, кто бы говорил про разум... – сказал папа, но мама его уже не слушала.

Чтобы вместить весь наш багаж, пришлось заказывать автобус. Наверное, мама опять что-то перепутала. Удивительно, что мы не ехали на «Газели» или на тракторе. Мама без конца пересчитывала чемоданы и по второму разу впихивала в меня и в Симу таблетки от укачивания, как будто нам предстояло пересечь Атлантический океан в шлюпке в раз-

гар шторма. С тетей Наташей (мама разрешила мне так ее называть) и дядей Борей мы должны были встретиться в аэропорту. Это тоже представляло проблему, поскольку ни тетя Наташа, ни дядя Боря не пользовались мобильными телефонами. Тетя Наташа боялась техники, которая у нее в руках «горела» в прямом смысле слова. Родственники, которые вызывали к себе тетушку, должны были быть готовыми к смене стиральной машинки, микроволновки или в лучшем случае миксера и утюга, которые при приближении тети Наташи искрили, дымили и не реагировали на кнопки.

– У меня такая сильная женская энергетика! – говорила в таких случаях Наталья Ивановна. – С этим остается только смириться!

У мамы в свой первый визит тетя Наташа сломала блендер, любимый, верный, пусть и старый, который не выдержал испытания ватрушками. А дяде Боре телефон и вовсе не был нужен. Все контакты взяла на себя супруга, да и он предпочитал эпистолярный жанр.

– Найдемся. Это же аэропорт, – отмахнулась мама, будто речь шла о сельпо в деревне.

Я хотел ей сказать, что аэропорт – очень большое здание, многоэтажное и многолюдное, но промолчал.

Тем более что в этот момент раздался крик папы:

– Где наши паспорта? Куда я их положил?

Мама, с точки зрения папы, должна знать не только где хранятся все вещи в доме, но и догадываться о том, куда папа

положил свои собственные документы, ключи, очки, часы и тапочки. Да, к тапочкам у папы особенные претензии – мама выставляет их в коридоре, ставит их рядом с кроватью, но папа все равно кричит: «Где мои тапочки?»»

Однажды на прогулке в парке папа потерял Симу.

– Где Сима? Маша, куда убежала Сима? – переживал папа.

Сима в это время сидела на плечах у папы и разглядывала веточки. Мама даже не засмеялась: все-таки ребенок на плечах – это не тапочки под носом.

Впрочем, паспорта были куда более серьезной потерей, чем тапочки и даже Сима. Особенно накануне отъезда.

– Посмотри в ящиках стола! – крикнула мама, не отрываясь от коробок.

– Уже смотрел! – Папа впал в панику. – Наверное, ты их упаковала!

Тут заволновалась мама. В принципе она могла упаковать паспорта в одну из многочисленных коробок, но ни за что бы не вспомнила, в какую именно. Тем более что почти все они были только что замотаны скотчем.

Папа метался по квартире, а мама с недоумением разглядывала собственные надписи, пытаясь разгадать зашифрованные аббревиатуры.

– Вот здесь что написано? – спросил папа, разглядывая одну из коробок. – «Зайдомнекант» – это на каком языке?

– Заячий домик, не кантовать! – ответила мама.

Домик – это любимая Симиная игрушка, где живет заячье

семейство со своим многочисленным скарбом – кроватями, столами, шкафами и даже чашками. У зайцев добра скопилось не меньше, чем у нас.

– Паспортов здесь точно нет, – сказала мама.

– А где они? – воскликнул папа.

– Давай сядем и вспомним, что мы делали, – предложила мама.

– Что мы делали? Упаковали весь дом в коробки! По твоей инициативе. И едем не пойми куда. Только у нас паспортов нет! А если у нас нет паспортов, то мы никуда не едем!

Весь вечер мы ходили по дому, как грибники по лесу – смотрели под ноги, заглядывали в незапакованные коробки, открывали шкафы и ящики. Нашли Симины детские игрушки – для младенцев, которые мама решила «отдать в добрые руки», а Сима спрятала от добрых рук подальше. Нашли мамин детский фотоальбом, который она немедленно принялась разглядывать. Я нашел телескоп и микроскоп, а Сима нашла мамины платки и палантины, считавшиеся уже упакованными. Папа уже просто нарезал круги по квартире и нервничал. Мне кажется, он прошел километров десять, кружа по комнатам.

– Так, надо подумать. – Маме надоели бессмысленные поиски. – Ты мог положить паспорта только в книжный шкаф или в стол. Потому что все остальное я уже выгрузила и проверила. И ты должен вспомнить, в чем были паспорта – в конверте, в пакете или просто так.

– В конверте, сереньком таком, – понуро ответил папа, подходя к книжному шкафу.

– Вот они! Нашел! – вдруг закричал он.

Паспорта папа спрятал в самое надежное, как ему казалось, место в доме. Туда, где он непременно бы их нашел. Серый конверт лежал в книге Набокова, которая лежала поверх всех остальных книг.

– Почему именно в Набокове? – удивилась мама.

Она представила себе, как перетряхивает все книги из шкафа, и ей стало нехорошо.

– Не знаю, – признался папа, – про Набокова я не мог забыть. Это же очевидно.

– Что очевидно? Паспорта должны храниться в книге Набокова? Почему не Хемингуэя или Драйзера? Или не в детской энциклопедии? Пушкин? Лермонтов? Толстой?

– Нет, Набоков больше подходит... – настаивал папа.

Зачем-то мама организовала погрузку так: одна машина должна была отправляться на склад, другая – с нами – в аэропорт. Мама металась между грузчиками, папа таскал вниз чемоданы, а мы с Симой мешались под ногами.

– Все! Сели! – вдруг закричала мама.

Сели все – и мы, и даже грузчики.

Минуту мы сидели в полной тишине, ожидая очередной маминой команды.

– Все, первой встает Сима, потом Вася, потом все остальные! – распорядилась мама.

– Почему? – Я не мог понять логику такой очередности.

– Примета такая, – ответила мама.

Мне кажется, мы уехали чудом. И не без помощи святого Спиридона, который благополучно доставил нас в аэропорт на микроавтобусе.

– Дашуля! Даша! Девочка моя любимая! Стасик! Лидочка! Даша! Даша!!!

Этот крик мы слышали почти сразу, как только вошли в здание аэропорта.

– Зачем так кричать? Есть же телефоны! – поморщилась мама, которая всегда отличалась чувствительностью к громким звукам. – Люди совсем стали странные. Орут, все орут...

Но женщина продолжала кричать.

– По-моему, она бежит к нам, – сказал я.

– Не говори глупости, – отрезала мама.

Но женщина продолжала кричать и замолкла только после того, как стиснула маму в объятиях.

– Дашуля! Ты меня не слышишь, что ли? Кричу, кричу! Лидочка! Стасик! Золотые мои! Родные! – Тетка в огромной пляжной шляпе накинулась на мою сестру, а потом на меня. Папа спрятался за спиной у мамы и отгородился чемоданами.

– Вы кто? – уточнила мама, пытаясь разглядеть лицо женщины под шляпой.

– Как кто? – опешила женщина.

– Я не Даша. А они – не Стасик и Лидочка, – строго сказала мама.

– Как это? – удивилась женщина.

– Вот так, – ответила мама.

– И что же мне делать? – Женщина отшатнулась, как будто мама сообщила ей, что она может подхватить от нас свиной грипп или лихорадку Эбола.

– Не знаю, – ответила мама, – обратитесь в отдел информации.

– Вы куда летите? – строго спросила женщина.

– Простите, а вам какое дело? – Мама начала нервничать.

– Куда? – Женщина пробуравила маму взглядом.

– В Керкиру, – сказал я.

– Нет, – женщина охнула, – ошиблась. А нам надо на Корфу. Что же делать? Но ведь так похожи... Не понимаю. И родинка у мальчика. Я же помню, что у мальчика была родинка! И девочка... Все сходится. – Женщина сняла шляпу и начала обмахиваться ею, как веером.

– Керкира – это тоже Корфу. Просто другое название. Остров – Корфу, город – Керкира, – объяснила мама.

– Как это? – удивилась женщина. – А вы откуда знаете? Тоже туда летите?

– Да, – вынужденно призналась мама.

– Дашуля! – снова кинулась ей на грудь женщина. – Я ведь сразу поняла, что это ты. Узнала же! Растолстела ты немножко. И вон – морщины появились. Но я же узнала! Сердцем

почувствовала! Кровинушка ты моя родная!

– Тетя Наташа? – вздрогнула мама.

– Ну конечно, я! А кто же еще?

– Я – Маша, а это – Вася, Сима и Андрей. А где дядя Боря?

– Боря! Где Боря? – немедленно переключилась женщина. – Я его на улице оставила. Надо забрать. Ну, конечно, Маша и Васечка, и Симочка. Я же так и сказала! А это Андрюша? Поседел совсем. Вот его бы я не узнала. Чего седой-то такой? И худой! Васюша! Зайчик! Это ж сколько тебе лет уже? Прямо жаних! Симочка! Кашу кушаешь? Вот баба Наташа тебе такую кашу сварит! Будешь у меня за обе щеки лопать! А ватрушки! Я вам таких ватрушек напеку! Вы уж простите меня – замоталась совсем. Все имена перепутала. Кстати, Даша тебе привет передавала. Кто она тебе? Вроде как сестра троюродная получается. Ну да ладно, потом разберемся. Пошли. А то опоздаем.

– Теть Наташ, давайте дядю Борю заберем, – сказала мама.

Дядя Боря нашелся в вестибюле под информационным табло. Он спокойно прогуливался туда-сюда, засунув журнал с sudoku под мышку. К нему то и дело подходили люди, принимая за сотрудника аэропорта или за представителя турфирмы, или просто за милого доброжелательного человека, который никуда не спешит, улыбается и готов помочь, чем может. Дядя Боря, видимо, от скуки успел выучить все табло практически наизусть – с его фотографической памятью это было несложно – и с радостью консультировал заплутавших

туристов. Собственно, дядю Борю нашел наш папа, который положил очки в один из чемоданов и, шурясь, пытался понять, к какой стойке регистрации нам нужно двигаться. Дядя Боря его с энтузиазмом консультировал.

– Боря, это же Андрюша! Как ты его не узнал? – накинулась на мужа тетя Наташа. – Андрюша, поздоровайся с Борей!

Мужчины послушно пожали друг другу руки.

Тетя Наташа, за плечами которой была многолетняя педагогическая практика, разговаривала с мужчинами так же, как с детьми. И те, что удивительно, слушались.

Наконец, заново пересчитав чемоданы, которых оказалось семь, включая два тети-Наташиных и дяди-Бориных, мы стали пробираться к стойке регистрации. Поскольку тетя Наташа в принципе не умела говорить тихо, в шумном аэропорту она кричала, чтобы мама ее услышала. Тетю Наташу слышала не только мама, но и все стойки регистрации.

– Знакомая моей подруги уехала в Грецию на неделю. И пошла на вечер греческой музыки и танцев. Что, ты думаешь, она там сделала? – вопрошала тетя Наташа, нисколько не смущаясь, что вся очередь вынуждена была узнать, что сделала знакомая подруги. – Вышла замуж! Познакомилась с греком, вернулась в Москву, а через месяц переехала к нему! Теперь работает в церковной лавке при церкви. И совершенно счастлива. А ей, между прочим, было уже пятьдесят четыре! И представь, грек оказался вдовцом! Это же какое сча-

сть! Дети взрослые, никаких забот. А все почему? Почему ей так повезло? Потому что за день до этого вечера она поехала на экскурсию к святому Спиридону. Попросила, приложилась, и бах – все получилось! Вот я и думаю – может, и мне повезет? Мы где жить-то будем? Далеко от церкви? Это не важно. Мне бы только до нее доехать. Да к мощам приложиться. Если Спиридон ей помог, то уж и мне с Борей тоже поможет. Правда?

– Угу, – ответила мама.

– И что ты так нервничаешь? – удивилась тетя Наташа. – Все ж хорошо!

– Потому и нервничаю, – ответила мама, – если все хорошо, обязательно что-нибудь случится. С нами всегда так.

– Да ладно тебе! Я ж везучая!

Несмотря на мамины переживания, мы отлично долетели, а на выходе нас ждал огромный автобус, в который могли вместиться не только наши семь чемоданов, но и еще человек десять. Тетя Наташа пересидела на всех местах, выбирая лучшее, и даже дядя Боря оторвался от sudoku и смотрел в окно. Сима спала. Папа тоже задремал, не добившись от мамы ответа, куда мы все-таки направляемся.

Через час мы свернули с трассы и оказались в маленькой деревушке. Водитель подвез нас к воротам и помог выгрузить чемоданы.

– Спасибо, – сказала мама.

– А куда идти? – уточнил папа.

Водитель улыбнулся, показал на дом – мол, проходите – и уехал.

– Где хозяйка? Нас никто не встречает? – Папа уже начал нервничать. Мама в это время пересчитывала чемоданы.

– Мам, лучше бы ты людей пересчитала, – сказал я, поскольку с нами не было дяди Бори.

– Где Сима? – тут же всполошилась мама.

Сима уже побежала по дорожке, заприметив кошку, которая сидела и внимательно нас разглядывала.

– Теть Наташ, где дядя Боря? – не успокаивалась мама.

Автобус, едва отъехав, вернулся. Дядя Боря, задремав, пропустил выгрузку и мирно посапывал на сиденье. Хорошо, что его заметил водитель и доставил назад.

– Ну что, пошли? – предложила мама, и мы потащили чемоданы к дому.

Двери оказались открыты. В гостиной приветливо работал телевизор, настроенный на канал с детскими мультфильмами. На кухонном столе стояла бутылка вина, ваза с фруктами и приветственная записка от хозяйки: «Добро пожаловать. Надеемся, что добрались хорошо. К сожалению, не смогла вас встретить. Располагайтесь. Чувствуйте себя как дома. Завтра придет домработница Афродита – вы можете задать ей все вопросы по хозяйству. Еще раз – добро пожаловать».

– Ну вот, все же замечательно! А вы не верили! – воскликнула мама. – Тут даже домработница есть. Да еще с таким

именем! Ой, смотрите, какая здесь терраса! Можно завтракать на улице. И церковь! Смотрите, какая чудесная церквушка! Какой же чудесный вид!

В этот момент в церкви забили колокола, отбивая семь часов.

– Боже, как замечательно! – Мама продолжала восторгаться. – Нам даже не нужны часы! Какой красивый бой у этих колоколов! Андрюш, что ты молчишь? Скажи что-нибудь! Тебе нравится?

– Интересно, а с которого часа они начинают бить? И когда заканчивают? – тихо спросил папа.

– Господи, да какая разница? Ну, встанем пораньше! Тебе нравится?

– Не знаю пока. Я еще не привык, – признался папа.

– Привыкнешь, – строго отозвалась мама.

– Надо вещи разобрать и понять, кто где спит, – предложил папа.

– Нет, пойдемте ужинать! Я хочу есть! Наверняка здесь есть чудесная таверна! Вещи потом. Все потом! – Мама не желала слушать возражений.

– Куртка! – заявила Сима. – Мне нужна куртка!

У моей сестры очень странный теплообмен. И представления о красоте – тоже странные. Если весной она ходила в кофте, в джинсовой куртке или в плаще, то она будет носить эту вещь так долго, сколько в принципе сможет. Смена сезонов Симе дается непросто, поэтому моя сестра может гу-

лгать в июне в перчатках, а в сентябре – в летней панамке. Пока мама не раскритичится и не отберет вещь в приказном порядке.

Так вот, Сима решила, что выходить из дома без джинсовой куртки – неприлично, хотя на улице было жарко.

Мама вздохнула, понимая, что спор отнимет слишком много времени, и подошла к чемоданам, сваленным у порога.

У мамы все-таки есть собственная логика упаковывания вещей. Наши, так сказать, детские вещи она сложила в коричневый чемодан, чтобы не путаться.

– Андрюш, ты опять закрыл чемодан на кодовый замок? И какой код? Я же сто раз тебе говорила, чтобы ты не закрывал на код!

– Я не закрывал, – ответил папа.

– Какой код? Номер квартиры не подходит.

– Я не закрывал, – повторил папа.

– А кто закрыл? Не я же! 111 тоже не подходит.

– В принципе я могу подобрать комбинацию. Но нужно время. Немного. Там всего несколько тысяч вариантов. Замок простой, – сказал я.

– Сейчас. – Мама встала с колен и пошла на кухню. К чемодану она вернулась с ножом и одним махом сломала кодовый замок. – У меня ощущение дежавю. Почему мне кажется, что я уже один раз этот замок ломала?

Тут Сима, забыв про куртку, выбежала из дома – на пороге

сидела кошка и внимательно на нас смотрела.

– Пойдемте, пока Сима не вернулась за шерстяными носками. – Мама бросила нож, и мы пошли есть. По случаю столь удачного перелета и всего остального родители заказали вина.

– Ну надо же! – удивлялась мама. – Никого не тошнило, все вовремя, дом прекрасный, даже не верится!

– Это потому, что я с вами! – отвечала ей тетя Наташа. – У меня нога счастливая. Ты же знаешь. Если я в дом прихожу, удачу приношу.

Мама не стала развивать тему счастливой ноги тети Наташи, потому что была в прекрасном настроении. И когда у нее зазвонил мобильный телефон, мама ответила почти радостно:

– Алле! Добрый вечер!

Вообще-то за телефоны у нас отвечает папа. Он всегда с телефоном. Даже спит с телефоном, поскольку у него в нем будильник. А мама всегда свой телефон ищет. Забрасывает подальше и не может найти. Так что сам факт, что мама сунула в сумку свой телефон, не выключила на нем звук и даже зарядила накануне, можно считать огромной удачей. Просто чудом. Судя по тому, что мама начала кокетливо улыбаться, было понятно, что звонит мужчина.

– Да, я Мария, очень приятно. Что вы говорите? Вы поменялись чемоданами? С кем? Со мной? Когда? Сегодня в аэропорту? Нет, вы ошиблись, мои чемоданы все на месте.

Что? Коричневый? С кодовым замком? Да, у меня там все детские вещи. Что вы говорите? А у вас все женские? Я вам перезвоню.

Мама вскочила с места и побежала домой. Мы, естественно, кинулись следом, оставив дядю Борю расплачиваться. Точнее, мы про него забыли.

Мама открыла чемодан и ахнула – сверху лежали аккуратно упакованные дамские вечерние туалеты. Мама тут же схватилась за телефон.

– Алле! Мужчина! Мои вещи у вас! Все детские вещи! – кричала мама в трубку. – Что вы говорите? Вам не лучше? Жена не может переодеться? Я вас понимаю. Где мы живем? Нет, не в гостинице. Дом снимаем. В деревушке. Час езды от аэропорта. На север или на юг? Я не знаю! Сейчас я дам вам мужа, он объяснит.

– Мне кажется, мы на юго-западе, – предположил папа. – Деревня имени Святого Георгия. Кстати, их два – южный и северный. Официально мы в северном. Но я все-таки настаиваю на юго-западе. Как найти дом? Тут рядом прокат квадроциклов, мотоциклов и велосипедов. Называется «Спиро». Да, видимо, в честь святого Спиридона. Что, у вас тоже такой же прокат? И магазин? Да, здесь еще ресторанчик поблизости, итальянский. «Иль Маре». Да? У вас тоже такой есть? Завтра приедете на такси? Хорошо. Да, я вас понимаю. Очень хорошо понимаю.

Пока папа разговаривал по телефону, мама лихорадочно

разбирала другие чемоданы.

– Вася, ты можешь спать в папиной пижаме пока, – сказала она мне, – держи. Так, Сима...

Сима в этот момент залезла целиком в мамин чемодан и уже нацепила на себя мамину ночную рубашку, мамин палантин и думала, что же еще надеть на себя эдакое. И тут ей под руку попался чемодан тети Наташи, из которого Сима выудила бюстгальтер пятого размера и надела его на шею.

– Какая красота! – сказала моя сестра и ушла в этом наряде спать. Уснула она еще до того, как мы распределили кровати. Быстрее заснул только дядя Боря, который тихо пришел из ресторана и немедленно облюбовал себе кушетку в гостиной поближе к телевизору и журнальному столику. Лег и сразу погрузился в сон. Спал дядя Боря тихо, вжавшись в стенку, поджав колени, чтобы занимать поменьше места, смущенно прикрывшись пледом.

– Почему ты не проверил бирку? Я же напоминала! – всхлипывала мама. – Удивительно, что ты еще мой телефон на ней написал. Ну почему у нас все не как у людей?

– Может, это тот мужчина перепутал? Мы же почти последние выходили, – оправдывался папа.

– Да, потому что ты, как всегда, встал в самую длинную очередь. – Мама не унималась. – Зачем я только все детские вещи в один чемодан сложила? А если он завтра не приедет? Тогда нужно ехать в город и все покупать!

– Приедет, поверь мне. Рано утром.

Так и случилось. Мужчина, с которым мы обменялись чемоданами, приехал очень рано. Мама выскочила на дорогу в ночнушке, следом бросилась Сима в тети-Наташином лифчике на шею, следом – папа. Папа просто не понял, почему мама вдруг вскочила и побежала. Но она у нас все чувствует – звуки, запахи. И услышала, как таксист спрашивает у соседей, куда вчера заехали новые туристы. Мама бежала, роняя сандалии, и кричала: «Это мы! Мы! Сюда!»

Мужчину звали Александр. Спокойный, вежливый – мама чуть на грудь ему не кинулась. Сначала она кинулась под такси, а потом уже на грудь. И расцеловалась, как с давно потерянным, но вдруг обретенным родственником. И немедленно схватила чемодан, который выгрузил из багажника водитель.

– Спасибо вам огромное, даже не знаю, как вас благодарить, – причитала мама.

– Не за что, – отвечал мужчина, – это моя вина.

– Нет! Что вы? Это мой муж виноват! Он всегда все теряет и путает! О, боже, я же ваш замок взломала! – ахнула мама. – Ножом! Что же делать? Давайте я вам компенсирую поломку.

– Не надо, это лишнее. – Мужчина хотел поскорее уехать. И я мог его понять. Мама в ночнушке с торчащими во все стороны волосами, которая все время лезет к нему то целоваться, то обниматься. Сима в лифчике на шею...

– Хорошего вам отдыха! Еще раз огромное спасибо! – Ма-

ма потащила чемодан домой.

– Извините, – окликнул ее мужчина.

– Да?

– А мой чемодан можно?

Естественно, во всей этой суете мама совершенно забыла, что чужой чемодан так и стоит у нас в прихожей. И его надо вернуть. Мама ойкнула и побежала за чемоданом. Потом она снова долго обнималась и целовалась с Александром, пока тот не вырвался из ее рук.

– Ну вот. Теперь все хорошо. Запас неприятностей мы уже исчерпали, – заявила мама и пошла готовить завтрак. – Теть Наташ, накрывайте на террасе. Будем завтракать там!

Через двадцать минут мы сидели на террасе и любовались местным пейзажем. Колокол на церкви отбил восемь ударов.

– Как все-таки хорошо рано вставать! Как хорошо завтракать всей семьей! – Мама была в восторге, и, казалось, ничто не может испортить ей настроения.

С террасы открывался замечательный вид на церковный дворик и крошечную стоянку рядом с ним. Чуть дальше проглядывало море. Пока мы завтракали, стоянка заполнялась машинами, а на площадку перед церковью мужчины вытащили деревянные столы. Медленной струйкой со всех окрестных улиц к церкви шли женщины с плетеными корзинками. Они подходили к столам и выкладывали пластмассовые контейнеры с едой. Расставляли стулья.

– Праздник сегодня какой-то церковный? – спросила с ин-

тересом тетя Наташа.

– Не знаю.

– Как интересно. Давайте сходим, посмотрим?

– По-моему, и отсюда все прекрасно видно. – Мама почувствовала недоброе.

На улице, прямо мимо нашего дома, шла процессия. Женщины и мужчины, одетые в траурные одежды. И в церкви в этот день было отпевание. С последующими поминками прямо во дворе. Мы сидели на террасе. Пили кофе. Ели омлет и гренки. Улыбались.

– Так, давайте зайдём в дом. Это неприлично. – Мама очнулась первой.

– Зачем в дом? – ахнула тетя Наташа. – Так интересно! Совсем не как у нас!

– Хорошо, тетя Наташ, вы оставайтесь, дети – в дом! – велела мама. Настроение у нее резко испортилось, и до конца дня она была рассеянной, задумчивой и грустной. К тому же ей пришлось разбираться с кухонной плитой, оказавшейся сенсорной, и мама давила на кнопки так, что чуть палец не сломала. Плита при каждом нажатии отзывалась тревожным пиканьем. Мама даже пыталась разговаривать с плитой, полагая, что если плита отвечает на прикосновение пальца, то понимать человеческую речь она уж точно должна.

Папа в это время разговаривал с кондиционерами. Кондиционеры – его слабость, страсть и жизненная необходимость. Папа обычно выставляет температуру на 18 градусов. Наша

жизнь превращается в мелкие перебежки из дома на улицу – чтобы согреться и опять нырнуть в стужу, которую папа считает приятной прохладой. Дядя Боря разбирался с телевизором, выбирая себе один-единственный канал для просмотра. Поскольку за его действиями пристально следила моя сестра, дяде Боре пришлось выбрать канал с мультфильмами и детскими развивающими программами, причем на французском языке, который они с Симой смотрели с большим интересом, не понимая ни слова.

Поскольку только мне не нашлось занятия, мама немедленно закричала:

– Почитай Даррелла!

От Даррелла меня спасла кошка. Та самая, которая все это время за нами приглядывала. Кошка сидела на пороге в проеме открытой двери и смотрела строго.

– Брысь, – сказала ей мама.

Кошка даже не моргнула.

– Она тебя не понимает, – сказал я.

– Все она понимает. Ну-ка брысь, я сказала!

Кошка все-таки моргнула и сделала шаг назад.

– Я не буду тебя кормить, даже не проси, – заявила мама.

Кошка сидела и смотрела даже не на маму, а куда-то сквозь маму.

– Кошка! – закричала Сима, оторвавшись от мультика.

– Давай ее покормим! – обрадовался дядя Боря.

– Нет, я сказала! Никаких приبلудных кошек в моем доме

не будет!

Кошка посмотрела на маму, потом на Симу с дядей Борей, которые в нерешительности застыли у холодильника, и никуда не ушла, решив, что преимущество на стороне девочки и мужчины. Все-таки кошка неплохо разбиралась в человеческой психологии. Сима уже достала из холодильника кусок колбасы, а дядя Боря – пакет молока.

– Только не рядом с домом! – крикнула им вслед мама. – Отведите ее подальше!

– Нужна тарелка для кошки, – сказала Сима, которая очень придирчива к посуде и ко всему остальному, например, к полотенцам, местам за столом, еде, напиткам, в общем, ко всему. Однажды выбрав себе стул, Сима будет сидеть только на этом месте, и никто другой не имеет права его занимать. Что касается тарелок, вилок, стаканов, то маме приходится возить с собой Симины посуду, даже если мы едем в гости. Из чужой тарелки моя сестра есть не станет ни за какие коврижки. В том смысле, что, даже если коврижкой будет пирожное или мороженое, все равно не будет. У нее железная сила воли. Мама считает, что она пошла в нее.

Мама знает, что спорить с Симой – себе дороже. Поэтому выдала ей блюдо и вернулась к общению с плитой, которой начала немедленно жаловаться.

– Ну вот почему ко мне сразу сбегаются все животные в округе? – спрашивала мама сенсорную плиту, буравя взглядом конфорку, которая никак не желала загораться. – Я не

люблю животных. Никаких. А они ко мне приходят! Теперь я должна буду кормить еще и кошку! Мало мне родных, так теперь на моей голове будет спать еще и кошка! Не удивлюсь, если она нагадит на диван. Неужели других сердобольных соседей в округе нет? И вообще – почему я должна жалеть ее и кормить? Мы же не кормим бабочек, жуков, ласточек и кто еще там в саду живет. Почему я должна непременно кормить кошку? Пусть идет и живет рядом с рестораном, там, во всяком случае, есть обеды. А у меня обедов нет! У меня и продуктов нет! Надо найти магазин, овощную лавку, рыбака. Наверняка здесь есть рыбак, который сможет привозить нам рыбу! И фрукты! Нам нужны фрукты! И мясо! Интересно, в этой деревне есть мясная лавка? Господи, все на мне! Почему все всегда на мне? Но даже если я найду мясо, как я его приготовлю? Это не плита, это издевательство какое-то! Почему она не включается? Что я не так делаю?

– Мама, звук! – В дом ворвалась Сима. – Звук!

– Что? Какой звук?

Звуком, который так впечатлил мою сестру, оказался крик в мегафон. Мужской голос что-то кричал – монотонно, на одной ноте, протяжно и даже, можно сказать музыкально.

– Что он кричит? – прислушалась мама.

– Я не знаю, что это за язык, но точно не греческий и не английский. И не итальянский. Не польский, не немецкий. Станный какой-то язык, – заметил папа.

Папа у нас знает много языков. Перед каждой поездкой он

штудирует разговорник и старается выучить хоть несколько фраз, чтобы быть вежливым в стране пребывания. При этом мама понимает куда больше его. Вот и сейчас она как ошпаренная отскочила от плиты, натянула платье поверх майки и шортов, обула папины сандалии и кинулась на улицу так, будто ее не просто ошпарили, а облили кипятком с ног до головы. Следом, нацепив зачем-то халат и лифчик тети Наташи поверх платья, побежала Сима. Дядя Боря поковылял следом. Ну и мне пришлось, поскольку папа смотрел на меня умоляюще. Когда он так смотрит, это означает, что он на меня рассчитывает как на единственного разумного человека в доме.

Мама выскочила на перекресток и замахала руками. При этом она кричала: «Стоп! Стоп!» – и в своем наряде была похожа на сумасшедшую. Рядом махала руками Сима, подражая маме. Дядя Боря вторил маме: «Эге-гей! Эге-гей!» – но тихо, практически себе под нос.

Звук, который уже удалялся, приблизился. Оказалось, что это был старый грузовичок с прилепленным на крышу небольшим мегафоном. За рулем сидел молодой парень, который и выкрикивал непонятные всем, кроме мамы, слова. Только она могла различить в этом тягучем зазывном кличе слова «свежие фрукты».

Мама даже не стала рассматривать товар и спрашивать, что сколько стоит. Она отрывала одноразовые пакеты, которые висели на крюке в багажнике, выбирала персики, череш-

ню и сама же бросала пакеты на крошечные весы. Взвешенные пакеты она передавала дяде Боре. Сама же отдала деньги опешившему парню и взяла маленькую дыню: «Это в подарок», – заявила мама ему и пошла домой.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила Сима.

Дядя Боря улыбнулся.

Хозяин грузовичка впервые в жизни перепутал газ с тормозом, когда мама похлопала по дверце машины, давая понять, что он может ехать дальше.

Вот поэтому папа старается не ходить с мамой за покупками. От мамы всего можно ожидать. Но настроение у нее заметно улучшилось.

– Если здесь ездит фруктовая машина, наверняка есть и овощная. Симочка, зайка моя, спасибо, что сказала мне. Я бы не услышала!

Сима серьезно кивнула. Я знал, что теперь на любой «звук» она будет выбегать на дорогу, а мне придется бежать за ней, чтобы «присмотреть за сестрой», как называет это мама.

Нас не было минут десять. Каких-то десять минут, а дома тем временем тоже происходили некоторые события.

Тетя Наташа кричала на незнакомую женщину.

– Ну что за бестолочь такая? – восклицала тетя Наташа. – Я – Наташа!

Тетя Наташа била себя в грудь и произносила свое имя по слогам.

– А ты кто? – она толкала в грудь несчастную женщину.

– Что здесь происходит? – спросила мама.

Женщина, почувствовав прибывшую помощь в нашем коллективном лице, кинулась к маме и начала ей что-то быстро-быстро говорить.

– Я не знаю, какой это язык, – сказал папа, – не греческий и не английский точно.

– Господи, да что здесь непонятного? – удивилась мама. – Это наша домработница Афродита. Она спрашивает, все ли у нас в порядке, и говорит, что сегодня убирать не будет. Но нам и не надо.

– Ну, если она – Афродита, то я Аполлон, – сказал папа.

– Какой ты злой! Она же не виновата! – возмутилась мама и ласково посмотрела на женщину.

Главным выдающимся местом у домработницы по имени Афродита был нос. Огромный, который, казалось, свисал к самому подбородку. На носу у нее был горб, настоящий маленький горбик, который плавно перетекал к глазам. У нее было хрупкое тело, тонкие руки-плети и огромные, просто огромнейшие ноги. Как две колонны, которые росли прямо из носа. Во всяком случае, ноги казались длинными, прямыми и внушительными. Я такой женщины еще не видел. Видимо, дядя Боря тоже.

– Перестань тарачиться, – одернула его тетя Наташа, но дядя Боря не мог оторвать восхищенного взгляда от Афродиты.

Была у нее еще одна особенность. Эта еще не старая женщина считала, что волосы – ее главное украшение и ценность. У нее были разлапистые, как еловые ветки, брови и волосы с проседью. Черная копна с тремя белыми всполохами. Одна прядь побелела от виска, другая обозначала пробор, третья замыкала прическу, начинаясь на затылке. Из-за этих седых прядей она была похожа на колдунью. Учтывая нос – злую. Сима решила на всякий случай заплакать и спряталась за спиной тети Наташи.

– Я спрашивала у нее про прищепки. – Тетя Наташа вместе с Симой не разделяла всеобщего восторга от Афродиты. – Она меня не понимает.

Мама молча сбегала на улицу, принесла единственную, имевшуюся в наличии прищепку и показала ее Афродите. Та тут же заулыбалась и достала из передника целую связку.

– Ну, и какие проблемы? – удивилась мама. – Все она понимает!

Домработница, завладев всеобщим вниманием, устроила настоящий немой спектакль, чтобы все могли понять, о чем идет речь. Она наклонилась и показала на ноги. Потом сделала лицо, как будто корчится от боли.

– У нее болят ноги, – перевела для всех мама.

Афродита изобразила, что взяла швабру и начала мыть полы, потом махнула рукой, будто отгоняет назойливую муху от уха.

– Она говорит, что придет завтра, – сказала мама.

– Театр мимики и жеста, – пробормотал папа.

– У меня тоже ноги болят, я же не жалуясь, – ревниво заметила тетя Наташа.

– Мама, суп буду есть, – покорно сказала Сима, которую мама в последний раз пугала Бабой-ягой, которая уносит детей, которые, в свою очередь, не хотят есть суп. Видимо, Сима решила, что Баба-яга наконец пришла за ней.

– Просто удивительно, какая пластика! – восхищенно заметил дядя Боря.

Афродита ушла, и мама тут же вспомнила про плитку.

– Надо было у нее спросить! Вы меня отвлекли своими прищепками. Теть Наташ, надо разобрать чемоданы! Вася, займись делом! Дядь Борь, выключите телевизор – хватит на сегодня мультиков!

Наша жизнь вошла в привычное русло. Мама заставила всех бегать, разбирать, раскладывать, идти в магазин, на пляж, укладываться на тихий час, вставать, принимать душ. Она очень быстро обживаетея на новом месте. Так быстро, что кажется, будто ничего не меняется. Где бы мы ни оказались, мама устанавливает свои порядки, требуя соблюдения четкого распорядка дня, и ей наплевать на часовой пояс, даже если разница во времени составляет пять часов (но, к счастью, это не в нашем случае).

На следующее утро завтрак снова был организован на террасе. Тетя Наташа расставляла тарелки, мама жарила грен-

ки, варила кофе (турку и кофе она возит с собой, как я уже говорил). Гречку мама привезла с собой, а йогурт накануне купила в разных видах, чтобы попробовать (она собиралась делать домашний творог, без которого мы, дети, никак не могли вырасти здоровыми). Еще мама накупила других питьевых продуктов, чтобы определить, из чего можно сделать простоквашу в домашних условиях, что похоже на кефир, а что можно считать сметаной.

Мне кажется, что, если бы мы оказались в зоне, свободной от сыра, где люди не едят сыр вообще, мы бы устроили на балконе маленькую сыроварню. Поскольку мама считает, что сыр – санитар желудка. Иначе как объяснить разложенные на столе бинты, куски марли, в которых мама собиралась делать домашний творог и мягкий сыр после дегустации исходных ингредиентов. Вот почему у нас такое количество чемоданов. Если бы мама могла довести домашнюю закваску для творога, для хлеба и, я даже не знаю, для чего еще, мы бы могли организовать подсобное хозяйство. К тому же у мамы нашлась единомышленница в лице тети Наташи, которая еще вчера в магазине хваталась за сердце, не обнаружив на прилавке творога. А как же ее знаменитые ватрушки? Расковыряв несколько пачек с мукой, тетя Наташа нашла наконец ту, которая ее удовлетворяла. Но заплатить нам пришлось за все испорченные пакеты. Тетя Наташа была только рада – дома, в спокойной обстановке она могла проводить эксперименты. Мама в этот момент разглядывала пачки с манной

крупой, которая была мельче и желтее нашей, привычной.

Так вот, стол был уставлен многочисленными йогуртами – мы должны были попробовать каждый. И непременно выпить кефир.

– Андрюш, попробуй... – требовала мама, открывая очередную бутылку.

– ...грибочки на дедушке, – отвечал папа и покорно делал глоток.

В тот момент, когда дегустация была в самом разгаре, около церкви снова началось движение. Мама заметила это первой и ахнула:

– Что? Опять?

Действие развивалось по вчерашнему сценарию. На площадке перед церковью начали парковаться автомобили. Мужчины вынесли на улицу столы. По дорожкам стекались женщины с корзинками.

– Опять похороны? – Мама пролила кофе.

– Как интересно, – проговорила тетя Наташа.

– У них тут что? Мор? Эпидемия? Мы здесь всего два дня, и каждое утро – похороны? Я не хочу! Мне нужен покой и хорошее настроение! Мне нужно счастье! Почему я каждое утро должна участвовать в поминках? – раскричалась мама.

– Потому что ты хотела вид на море, – ответил папа.

– Да, на море! Но не на похороны же! Почему в этой церкви не проходят крестины, свадьбы?

– Ну, перестань, – успокаивал маму папа. – Возможно, это

просто стечение трагических обстоятельств.

– А если нет? Если у них специальная неделя, выделенная для похорон? Или месяц? Месячник? Или у этой церкви такая специализация? В остальное время она же закрыта! А вдруг и вправду вспышка неизвестной болезни? Тогда и нам грозит опасность! – не унималась мама.

– Хорошо, что ты предлагаешь? – спросил папа.

– Если завтра утром я опять увижу похороны, я не знаю, что сделаю, – заявила мама, – тогда я перееду в другой дом!

– В какой другой? Ты хозяйку и этого-то дома в глаза не видела! Где ты найдешь сейчас другой?

– Найду такой, где будет другой вид с террасы, не будет облезлых кошек и где будет нормальная плита! И это я еще со стиральной машиной не разбиралась!

– Телевизор хорошо работает, – сказал дядя Боря, который по-прежнему с интересом смотрел мультфильмы, хотя даже Симе они уже надоели.

Завтрашнего дня ждать не пришлось. Мама вышла в сад, где стояла плетеная мебель – диванчик, два кресла и стол, – и оттуда тут же донесся ее вопль:

– Если еще раз я увижу эту кошку, я не знаю, что сделаю! И больше никто не будет ее кормить!

Накануне вечером мама оставила свой кардиган на диване. И сейчас на этом кардигане обнаружила кучку, которая не оставляла никаких сомнений в том, как кошка отомстила маме за неприветливость.

– Не надо было оставлять вещи на улице, – заметил папа.

Мама собиралась что-то ответить, но тут появилась кошка, которая как ни в чем не бывало прошла к диванчику и легла, растянувшись в шпагате, намывая шерсть.

– Нет, ну это вообще наглость! – Мама даже кричать перестала, а просто развела руками. – Где мой телефон? Нужно срочно отсюда переехать!

Когда маме нужно срочно что-то сделать, спорить уже бессмысленно. Иногда ей нужно срочно поменять во всем доме шторы. Или срочно купить новый набор посуды. Или утюг. Пылесос. Да что угодно.

Мы оставили маму организовывать переезд и пошли на море. Пляжей было несколько. К ним вели указатели – деревянные таблички с написанным от руки маркером текстом: «К пляжу». Обычно после таблички был виден обрыв и узкая тропка, которая петляла в зарослях бурьяна.

Я уже понял местную топографию. Главным ориентиром служила церковь, и расположение того или иного места определялось просто – «от церкви направо», «от церкви налево». На центральной улице, прямо на повороте, расположился прокат велосипедов, квадроциклов, мотоциклов, хозяином которого был человек по имени Спиро, названный так в честь святого Спиридона. Естественно, прокат гордо именовался «Спиро». Точно такое же название носил и ближайший супермаркет, названный в честь дедушки, который когда-то организовал здесь магазинчик. Его сын, а потом

и внук, названные в честь деда, продолжили дело. Хозяином мясной лавки, практически всегда закрытой (мы успели узнать у Спиро, который владел прокатом, что в принципе лавка работает, что хозяина зовут Спиро и что приходить за мясом нужно то ли в среду, то ли в пятницу, но лучше после пяти, а в понедельник – выходной, во вторник – только до двенадцати, в субботу – целый день, если не будет праздника, в воскресенье... – дальше я не запомнил). Так вот Спиро, хозяин мясной лавки, назвал свое заведение «Стелла» – в честь любимой жены. А жена, как доложил нам Спиро из проката, почему-то обиделась, и тогда Спиро-мясник сказал всем, что лавка названа в честь дочери – тоже Стеллы. И вроде как жене сделал приятно.

Еще на центральной улице было два магазина с названием «Ла Перла» («Жемчужина») – один продавал местные сувениры, другой – украшения. Конечно же, в магазинах не было и намека на жемчужины. А еще мы нашли две таверны, которые назывались «Иль Маре» («Море»). А еще было два заведения имени святого Георгия, которые продавали мороженое.

Мы спустились с обрыва и оказались на крошечном пляжике – узкая полоска песка и зонтики с шезлонгами. Скособооченный душ и раздевалка-клетушка с вечно открытой дверью. Поскольку и душ, и раздевалка стояли на крутом склоне, ими никто не пользовался – риск переломать ноги был реальным. В раздевалке хранились банки с краской, шваб-

ры, детские нарукавники и прочий хлам. Владельцем пляжа оказался человек по имени, кто бы мог подумать, – Спиро. Он поприветствовал нас громкими возгласами и немедленно узнал, кто кому кем приходится. Тете Наташе он сказал, что она прекрасна, дяде Боре заявил, что он счастливейший из мужчин, папе он принес местный напиток – имбирное пиво, которое оказалось безалкогольным лимонадом, а мне и Симе – мороженого.

Мы послушно легли на лежаки под зонтики, которые, как заверил нас Спиро, – лучшие на побережье, и попытались расслабиться. Но Спиро, поскольку мы были его единственными клиентами, хотел сделать для нас невозможное – сфотографировать тетю Наташу на мокрых камнях. Он загнал ее туда и требовал принять позу, что закончилось падением тети Наташи в море. Спиро с гордостью показал получившиеся фотографии, на которых тетя Наташа, как бешеная чайка, падает в морскую пену, а вместо лица у нее – одна нога и одна грудь.

– Красавица! – прокомментировал Спиро. Симу он ущипнул за щеку, погладил по голове, еще раз ущипнул и сжал ладонями ее лицо так, что она сделалась похожа на рыбу с раздувшимися губами. Папу он ткнул в солнечное сплетение и выдал инвентарь – две ракетки и мячик. Потом он отобрал у папы имбирное пиво и принес ему в кофейном стакане узо.

– Так будет лучше, – объяснил Спиро.

Папа не спорил. Даже и не думал.

Мне Спиро понравился. Он был похож на ящерицу. Загорелый дочерна, до такого состояния, когда кожа начинает собираться складками, чернеть даже на прогалинах и отливать оливковым цветом на солнце. Спиро был лыс, как обтесанный морем камушек. Но окончательное сходство с ящерицей ему придавали глаза – навывкате, голубые, почти прозрачные. Он, казалось, вращал ими против часовой стрелки и даже одновременно в противоположные стороны.

Спиро произвел на меня впечатление. Позже я понял, что почти все мужчины в возрасте, в смысле не молодые, переležавшие на солнце, приобретают общие черты с игуанами и гекконами. Гекконы, с моей точки зрения, симпатичнее. С прозрачными розовыми брюшками, через которые просвечивают внутренности. Внутренности Спиро через живот не просвечивали, но он оправдал мои ожидания. Чтобы показать нам фокус, так сильно втянул живот, что стали видны ребра. При этом он так выпучил глаза, что стал ну точь-в-точь геккон. Наверное, он мог показать еще какой-нибудь фокус с животом, но Сима испугалась и заплакала. Она еще ни разу не видела людей, у которых ребра видны сквозь кожу, а живот прилип к позвоночнику. К тому же моя сестра боится ящериц.

Пока мы купались и делали для Симы замки из песка, Спиро сел на пластмассовый стульчик под зонтик и оцепенел. Возможно, некоторые люди произошли от обезьян, но Спиро точно произошел от ящерицы. Казалось, он даже не

дышит. И только когда на пляже появлялись новые туристы, Спиро неожиданно вскакивал и бросался на них с природной грацией и стремительностью.

Пляж определенно начинал мне нравиться. Людей было мало, что не удивительно. Если верить карте Гугла, до столицы острова было далеко, а наша деревня вообще лежала вдали от туристических маршрутов – ни достопримечательностей, ни больших отелей, ни модных магазинов. Даже маленького отеля нет. Многие дома стояли недостроенными. В некоторых, которые гордо именовались апартаментами (на самом деле просто большой дом был разделен на крохотные комнатки с общим садом), шла неспешная уборка – расставлялись шезлонги, подстригался газон. Вдоль главной дороги, так сказать, центральной набережной, тянулся бесконечный заросший пустырь. Иногда прямо на пустыре, создавая естественную вмятину в траве, парковалась странная машина. Грузовичок, в котором помещался целый дом. В кузове были оборудованы спальные места. Рядом с ним тут же кипела бурная деятельность – женщина разжигала костер, варила суп в котелке, вокруг которого собирались кошки со всей округи. Просто несметное количество кошек.

– Кошки! – закричала Сима, поскольку впервые в жизни видела целую стаю. Штук сто, не меньше.

– Не подходи! Немедленно вернись! – Тетя Наташа умудрилась перекричать и мяукающих кошек, и галдящих чаек. Сима тут же остановилась. – Это цыгане! Они тебя укра-

дут! – Тетя Наташа кричала на всю деревню.

– Натулечка, – вступил в разговор дядя Боря, – ну что за предрассудки. Цыгане давно не воруют детей. Откровенно говоря, они их никогда и не воровали. Вот я читал книгу...

– Сима, быстро иди сюда и дай мне руку! – Тетя Наташа не слушала дядю Борю. – И не отходи. Иначе тебя украдут и отдадут замуж в двенадцать лет! Что я скажу твоей матери?

– Натулечка, так вот в книжке... – продолжал дядя Боря. Наверное, это и вправду были цыгане. Они торговали какими-то баллонами, вывалив их на траву рядом с очагом.

– Это для дезинфекции, я думаю. От насекомых, – предположил дядя Боря, который хотел защитить представителей кочевого народа от гнева тети Наташи.

– Хочу замуж к кошкам, – сказала Сима.

– Господи, что творится в голове у этого ребенка? – ахнул папа.

Тетя Наташа, крепко держа Симу за руку, потащила нас к пляжу. Уже первому попавшемуся. Лишь бы подальше от цыган.

Рядом с нами, кивнув Спиру как давнему знакомому, появился человек с внушительным пакетом. Я сразу понял, что в пакете у него – не пляжные полотенца. Так и оказалось. Мужчина вытащил лопаты разного размера – от большой, похожей на саперную, до маленького детского ковшичка. Кроме того, у него были грабли, дощечки, скребки, ве-

дерки, ножички и еще много чего необычного.

Сима немедленно потянулась к таким сокровищам и под- села к мужчине. Он удобно устроился почти у самой кром- ки воды и принялся сооружать замки. Это были настоящие средневековые замки – с окнами-бойницами, стенами, рва- ми и высотными башнями. Настоящее королевство. Рядом с замком мужчина соорудил дома для жителей, коровники, пастбища. Папа пытался завести Симу в воду, чтобы избе- жать теплового удара, – сестра, как замороженная, следила за строительством, – но она, видимо, считала, что замок стро- ится в ее честь. Что, наверное, было недалеко от истины. Мужчина кивал на лопатку или на ведро, и Сима подавала нужный инструмент, приносила воду, послушно хлопала ло- паткой там, где должен был быть фундамент. Папа вздохнул и время от времени брал у мужчины-архитектора (а в том, что он настоящий архитектор, я не сомневался) ведро, наби- рал воду и выливал на Симу. Та этого даже не замечала.

Когда строительство замка было закончено, мужчина со- брал инструменты, так же молча кивнул Спиро и ушел.

– Какая красота! – сказала Сима. – Хочу здесь жить!

– Пойдемте домой, – предложил папа. – Интересно, где мы все будем жить?

Папа, как всегда, оказался прав. Наш дом был закрыт. Ни ключей, ни записки от мамы. Мы стояли в купальниках и не знали, что делать.

В этот момент я услышал мамин голос.

– Звук, – проговорила Сима.

Мы вышли на дорогу. Мама бежала к нам и размахивала руками. Я подумал, что она хочет привлечь наше внимание, но потом понял, что мама отгоняет осу. Она так и не переоделась с утра, поэтому выглядела несколько странно – в халате, из-под которого торчит ночная рубашка. Впрочем, маму это совсем не смущало. Она бежала по дороге, но останавливалась практически у каждого дома, чтобы сообщить соседкам, что бежит к нам.

– Валентина! – радостно восклицала мама, останавливаясь у очередного дома. – Да, мои вернулись с пляжа. Где они были? У Спира? Ну хорошо. Что, мой муж выпил узо? Хорошо. Да, переехала. От церкви направо. К кому? К Эмме! Дочка съела мороженое? Что делал мой муж? Поливал ее из ведра водой? Почему не купалась? Не знаю. Сейчас спрошу.

Мама пробежала буквально пять метров и опять останавливалась у ворот, откликаясь на вопрос другой соседки: «Мария, куда ты опять бежишь? Что ты забыла? Со Спира я договорилась! Он завтра приедет!»

– Спасибо, Роксана! Мои с пляжа вернулись! Бегу забирать. Да, переехала. К Эмме. От церкви направо.

– На каком языке говорит мама? – спросил у меня папа. – Я не понимаю. Это очень странный язык. И откуда она всех знает?

Мама наконец добежала до нас:

– Я нашла новый замечательный дом! Хозяйка – Эмма!

Англичанка, но муж у нее грек. Вещи уже все перенесли. Помог племянник Роксаны. Пойдемте. Я вас уже давно жду.

Маленькой процессией мы двинулись за мамой, не представляя, что нас ждет.

– Кстати, Спиро сказал, что завтра Эдвард построит для тебя Парфенон, – сказала мне мама, – или не Парфенон, а другой храм, не помню.

– Кто такой Эдвард? – спросил папа.

– Как кто? – Мама так удивилась, как будто все в мире, кроме папы, знали, кто такой Эдвард. – Архитектор, который Симе замок построил. Вы же полдня с ним провели! И, кстати, объясни мне, почему ты поливал Симу водой из ведра и не искупал ее?

– Тебе не нужно ходить с нами на пляж, чтобы быть в курсе событий, – сказал папа.

Мама фыркнула. Папа никак не привыкнет к этой маминной особенности. Да, папа знает много языков, он читает лекции, он умный. Но он ни за что не сможет найти нам новый дом за несколько часов. И перетащить в него все семь чемоданов. Только мама может выйти в ночной рубашке на перекресток и сказать на не ведомом никому языке: «Люди добрые, помогите, кто-нибудь!» И люди немедленно к ней кинутся и помогут. Мама сразу же знакомится со всеми соседками, собирает сплетни со всей округи и начинает копировать акцент, из-за чего ее принимают за свою, даже если она говорит на странной смеси английского, греческого, рус-

ского и еще бог знает какого. К тому же у мамы бурная жестикуляция, и она половину слов заменяет жестами. Маме не нужны глаголы, падежи, времена. Пока папа выстраивает грамматически правильную фразу, мама умудряется обсудить детей, мужей, свекровей, бабушек, рецепты, телепрограмму и погоду.

Что удивительно, маму все понимают. Папу не понимает никто. Если оставить маму хотя бы на пять минут одну на незнакомой улице, она немедленно начнет целоваться с незнакомой женщиной, и эта самая женщина будет называть нас, детей, по именам. И мы получим приглашение на ужин, как давние друзья семьи. И мама будет удивляться, что мы не разделяем ее восторга – ведь это Роксана, Эмма, Анна, Леона, у которой муж работает там-то, а племянник там-то, а ее дочка – ровесница нашей Симы, а сын... Она умудряется узнать это за три секунды. Папе для получения такой информации требуются годы, поскольку в силу природного такта он даже у близких друзей стесняется спросить, как поживает дочь от первого брака, как прошло шунтирование у тещи и женился ли племянник.

– Ты, как всегда, не узнал самого главного! – возмущается мама, и в принципе папа с ней согласен. Потому что мама считает, что нет более важных новостей, чем здоровье, личная жизнь и благополучие детей, бабушек и прочих родственников.

– Кстати, у нашей новой хозяйки Эммы – прекрасное чув-

ство юмора и настоящий британский акцент, – сообщила мама папе, – она тебе понравится.

У папы, как считается, тоже настоящий английский юмор. Папа шутит редко, тихим голосом, в котором сквозит безысходность. При этом сохраняет каменное выражение лица, так что его шутки понимают не все. Далеко не все. Честно говоря, мало кто понимает. Иногда папа считает, что написал «ужасно смешную лекцию или статью». Такую смешную, что сам смеялся, когда перечитывал.

– Как все прошло? – спрашивала его мама после того, как папа представлял свой труд аудитории.

– Никто не смеялся, кроме меня, – отвечал папа.

Папа при этом считает, что у мамы чувство юмора отсутствует вообще. Хоть какое-то. Даже намек. Опять же считается, что у меня – папино чувство юмора, а Сима пошла в маму. Она шуток не понимает. Так и живем.

...Новый дом, от церкви направо, оказался даже больше предыдущего. Вид с террасы, правда, был не столь захватывающим – одна терраса, совсем маленькая, смотрела на соседний дом, где сдавались апартаменты, впрочем, пока пустые. Другая, побольше, выходила в сад. Хозяйка ждала нас у входа. Специально для папы она продемонстрировала, как работает кондиционер (видимо, мама уже успела сообщить Эмме про папину страсть к холоду). Дяде Боре она настроила дополнительные каналы – он был счастлив. Мне хозяйка показала шкафчик с книгами (не сомневаюсь, что и здесь по-

участвовала мама), где стояла книжка Даррелла, но другого, его брата Лоуренса, про греческие острова и мифы Древней Греции на немецком. Я, пробуравленный маминым взглядом, вежливо улыбнулся и поблагодарил.

Тете Наташе хозяйка показала чудеса кухонной техники – посудомоечную машину, кофе-машину, тостер, соковыжималку и что-то еще.

– Да не надо мне столько, – испугалась такого изобилия тетя Наташа. – Я и так могу. Без этого. На сковородке хлеб поджарю, а сок через марлечку выжму.

Для Симы у хозяйки нашлись детские тарелки и целая коробка с забытыми игрушками. Так что все были счастливы. Папа наконец смог попрактиковать свой прекрасный профессорский английский и был счастлив, что его не только слышали, но и поняли. Он попросил разрешения писать Эмме письма, если будут какие-то вопросы, и получил безусловное разрешение. Эти двое разве что только не расклялись друг с другом. Во всяком случае, если бы папа был женщиной и умел делать книксен, наверняка бы присел. Но они с Эммой пожали друг другу руки, как единомышленники, обреченные на жизнь с этими сумасшедшими.

– Будьте готовы к неожиданностям, – сказала папе Эмма.

– Я всегда к ним готов, – ответил он.

После чего они опять пожали друг другу руки, как еще большие единомышленники.

Эмма ушла, предложив маме бутылку вина за счет заве-

дения, то есть хозяйки, а тете Наташе – чашку чая.

– В это время всегда хочется выпить, – сказала Эмма, – или чаю, или вина. Здесь, в Греции, я все больше склоняюсь к вину. Пришлю вам завтра рыбака, – обратилась она к маме и удалилась, еще раз попрощавшись с папой, который расшаркивался как мог.

– Ну что, вам нравится? – радостно спросила мама.

Попробовали бы мы сказать, что нет. Впрочем, мама нашего ответа и не ждала – в дверь позвонили. И, не дождав-шись ответа, вошли. То есть вошла. Домработница Афродита. Она явно не ожидала увидеть именно нас в этом доме, поэтому застыла на пороге. Мама тоже застыла, поскольку не ожидала увидеть Афродиту.

– Финита? – спросила Афродита.

– Финита, – ответила мама.

– Ту дейз финита? – уточнила домработница.

– Ту манс финита, – отозвалась мама.

– На каком языке они говорят? – удивился папа.

– Не знаю, – честно признался я. Но эти две женщины как будто понимали друг друга.

– Тудей нот, – возразила Афродита.

– Эфхаристо, – ответила мама.

Домработница собрала швабры, ведра и пошла переваривать информацию.

– У них что – одна домработница на всю деревню? – возмутилась мама.

– А что она сказала? – уточнил я.

– Ну, она удивилась, что мы уехали так быстро из того дома, и сказала, что сегодня убирать здесь не будет. Еще она спросила, сколько дней мы здесь пробудем, и я ответила, что два месяца. Но мне кажется, она ничего не поняла. Брысь, брысь! Да что ж за наказание такое? – Мама немедленно переключилась с Финиты-Афродиты на кошек, которые сидели на террасе и гипнотизировали дверь взглядом. Взглядами. Их было трое. Три пары немигающих глаз. Всего шесть глаз, выражающих презрение и независимость. Нет, они ничего не просили. Они сидели и смотрели на маму. Мама смотрела на них. Наверное, в детстве наша мать была чемпионом по игре в гляделки. Она могла держать кошачий взгляд не хуже, чем кошка. И даже переглядела их – кошки медленно развернулись и ушли первыми.

Да, именно Финитой мы стали звать с того дня домработницу. Прозвище себя оправдало. Домработница никак не могла понять, почему мы переехали, сколько времени проживем в этом доме, и каждый раз с надеждой спрашивала: «Финита три дэйз?» Почему-то ей казалось, что мы непременно должны уехать через три дня. Забегая вперед, скажу, что Финита задавала этот вопрос дважды в неделю, и спустя месяц у нее начались настоящие паника и депрессия. Мы все никак не уезжали и даже не собирались. У мамы тоже началась паника. Как она выяснила у Эммы, домработница должна была приходить дважды в неделю – по понедельникам и

четвергам. Но Финита приходила к нам во все дни, кроме понедельника и четверга. Маме понадобилось три недели, чтобы понять – ни в понедельник, ни в четверг Финиту ждать не стоит. А когда стоит – непонятно. Мама могла с утра подмести весь дом, помыть полы, и вдруг входная дверь без звонка открывалась, и на пороге возникала домработница с неммым укором в глазах, на устах и во всем теле. Несколько раз мы заставляли сцену общения мамы с Финитой. Надо признать, репутация мамы сильно пострадала – с домработницей она так и не нашла общего языка, как ни пыталась. Можно было подумать, что разговаривают две сумасшедшие женщины. Впрочем, так, наверное, и было. Если мы возвращались с пляжа, а мама лежала на диване с ледяной грелкой на голове (находка в морозилке – пластмассовый контейнер; мама даже мечтала завести такой дома), значит, сегодня приходила Финита и довела нашу мать до головной боли. Так вот про общение.

– Я, – домработница указывала на себя, – Афродита. Ты, – она указывала на маму, – Мария. Афродите вот сколько лет. – Она четыре раза выставляла пальцы вперед и показывала еще шесть пальцев. – Марии – сколько? – Мама послушно выставляла перед собой ладони и показывала, сколько ей. Точно так же они выясняли, сколько лет мне, Симе, папе, тете Наташе и дяде Боре.

Как мы успели выяснить, Финита знала много языков. И разговаривала сразу на всех. Помимо любимого «финита»,

которое относилось ко всему – отъезду, чистящему средству, уборке, полотенцам, домработница употребляла в речи слово «капут», «три дэйз» (именно так) и каждый раз спрашивала у меня и у папы: «Ду ю спик инглиш?» Ответ ей не требовался. Домработница считала, что папа вообще не говорит по-английски. Впрочем, как считала, что по-английски не говорит и ее хозяйка – самая что ни на есть англичанка Эмма. Так что Финита считала себя полиглотом. Мама при этом страдала – ни ее местный акцент, ни жестикуляцию Финита не понимала. И если мама брала швабру и показывала, что нужно помыть пол под кроватью, домработница делала вид, что ничегошеньки не уразумела. Тогда мама поднимала Симу и трясла ею как знаменем, объясняя Фините, что детям вредна пыль. Но домработница опять ничего не понимала. Чтобы объясниться, мама перемывала весь пол, выдраивая под кроватями, но Финита говорила: «Окей, Мария», – что могло означать: а) мама хорошо помыла, б) домработница все поняла, в) могло не означать ничего. Мама нашла русско-греческий разговорник и за вечер выучила все слова – швабра, пыль, кровать, полотенца и много чего еще. При очередной встрече она решила поговорить с Финитой на ее родном языке, но все опять закончилось провалом. Домработница смотрела на маму и кивала: «Окей, Мария». И мама уже ходила по потолку от бессилия.

При этом домработница была очень общительная и поговорить ей хотелось нестерпимо. Встретив папу с Симой на

дорожке, ведущей от дома, – они шли на детскую площадку, Финита кричала: «Бибиситтер?» Мол, ты работаешь бэ-би-ситтером? Папа обижался и не находил слов для ответа, поскольку Финита не шутила, а спрашивала всерьез.

С этим же вопросом Финита приставала к маме: «Хазбенд – хоум. Три дейз финита?» – спрашивала домработница, имея в виду, сколько еще наш папа просидит дома и уедет ли он через три дня. Мама ответила «ноу». Каждый раз, когда Финита приходила убирать и видела в доме папины вещи, она спрашивала, уедет ли он через три дня. И мама отвечала «ноу». Финита очень переживала за папину работу, за маму, которая вынуждена терпеть безработного мужа под боком. Попытки объяснить, кем приходится нам тетя Наташа, потерпели полный крах и закончились ледяной грелкой. Мама не знала, как объяснить на пальцах, что такое двоюродная бабушка или троюродная тетя сестры бабушки. Если учесть, что мама и сама не помнила, кем нам приходится тетя Наташа, то ее можно понять.

Но все бы ничего, если бы не полотенца. Дело в том, что мама очень трепетно относится к полотенцам. Даже если все они белые, мама каким-то образом их различает, и никто никогда не должен пользоваться чужим. Так вот, Финита ни разу не положила нам нужный комплект. Мама, тыча себя в грудь и выпячивая растопыренные ладони, пыталась показать Фините, сколько комплектов полотенец нам нужно. Она хватала меня за руку, когда я проходил мимо, и показыва-

ла два пальца, потом показывала на Симу и показывала три, звала папу и выставляла перед собой четыре пальца. Потом она предъявляла Фините дядю Борю и тетю Наташу и показывала шесть пальцев. «Окей, Мария», – отвечала домработница и выдавала то три комплекта, то четыре больших полотенца и шесть маленьких, то шесть больших и одно маленькое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.